

Самурай в берлинской подземке

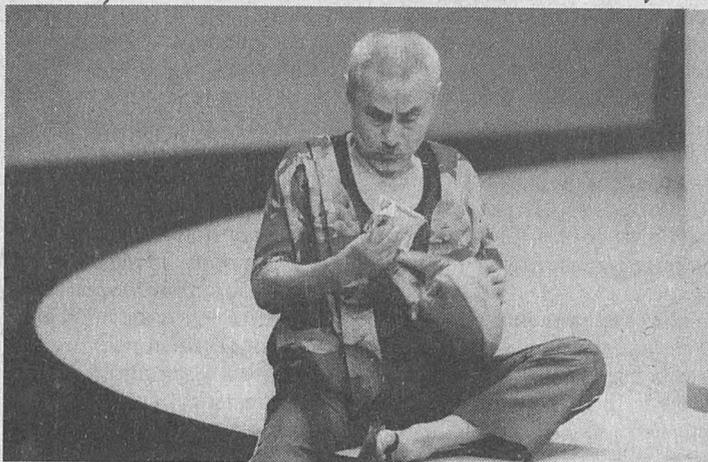
«Привидения в Ецуя» на spielzeitueuropa

Космический 2 - 2005 - 24 фев. - с. 9

фестиваль театр

В Берлине проходит фестиваль spielzeitueuropa — крупнейший международный театральный фестиваль в столице Германии. Одним из главных его событий стал показ спектакля токийского театра Х (caí) «Привидения в Ецуя» в постановке известного немецкого режиссера Йосси Вилера. Рассказывает РОМАН ДОЛЖАНСКИЙ.

Пьесу «Привидения в Ецуя» написал почти два века назад классик японской драматургии Цуруя Намбоку. В Японии ее знают все, и она до сих пор остается одним из самых популярных репертуарных названий театра кабуки. По ней можно изучать и эпоху, когда она написана, и литературный стиль этой самой эпохи — мрак, жестокость и насилие на фоне стойкого стремления к иррациональному. В общем, ни дать ни взять загадочная и страшная Япония: в пьесе рассказана история потерявшего службу самурая Тамия Иэмона, доведенного до отчаяния нуждой, а потому решившего убить свою жену Оива и жениться на дочери богатого соседа-богача. Кроважадный герой последовательно отправляет на тот свет сначала жену, затем слугу, помогавшего расправиться с Оива, а потом, преследуемый привидениями уже убитых, Тамия Иэмон расправляется с невестой и ее отцом. В конце концов серийный убийца и сам гибнет от руки своего давнего врага.

Самурай из «Привидения в Ецуя» воплощает конкретное, хотя и непреодолимое, социальное зло

Воображение уже рисует цветистые декорации театра кабуки, пестрые японские кино, ритуальную пластику и прочие прелести традиционного театра Страны восходящего солнца. Ничего подобного в спектакле театра Х (caí) нет и в помине. Декорация Казуко Ватанабе — современная станция подземки, с низкими сводами, светлыми стенами, двумя платформами и изгибом уходящим в тоннель путем, на котором нет рельсов, одна только серая галька, напоминающая о морском берегу и о японских садах одновременно. В таком холодном, реально-нереальном пространстве можно было бы играть добрую половину пьес «новой волны», рассказывающих об одиночестве человека в постиндустриальном мегаполисе.

Хорошо известный в Германии режиссер Йосси Вилер (в этом году его постановку оперы «Норма» перенесла на свою сцену московская «Новая опера») совершил храбрый поступок. Представьте себе на минуту, что японский режиссер приезжает в Россию и предлагает русским актерам играть «Чайку» в его режиссуре и в соответствии с японскими представлениями о театре. Примерно то же самое учинил господин Вилер, предложив японцам постановку «Привидений в Ецуя». Нет, это даже еще опаснее, чем вышеописанная постановка «Чайка»: наши все-таки японскому театру не обучены, а вот японские актеры в европейский театр играют давно, уже лет сто, со свойственным им прилежанием. Но результат чаще всего такой, что европейцам

остается только вздохнуть, почувствовать и праздно порассуждать на тему непреодолимости барьеров.

Йосси Вилер сделал что-то невозможное. Надо заметить, что пригласить на постановку именно его было счастливым выбором японцев: этот режиссер не просто профессионал и не просто знаменитость. Он имеет ясный вкус к театральному минимализму, знает высокую цену сценического молчания, умеет придавать вес театральной детали и внятному актерскому жесту, то есть не чужд понятиям, которые для японской культуры являются базовыми. И в итоге работы господина Вилера персонажи Цуруя Намбоку ожили на сцене не странными экзотическими птичками и не прилежными, немного смешными чужаками, а вполне современными театральными героями. Обнаружились в спектакле и «странные сближения».

Например, касательно призраков. Ведь это совсем не те призраки, каковыми была, скажем, тень отца Гамлета. В японской культуре призраки гораздо теснее сосуществуют с живыми, и в спектакле они почти неотличимы от живых. Речь у Намбоку идет вовсе не о только (и не столько) о «борьбе добра со злом» или о возмездии. Герой пьесы воплощает конкретное, хотя и непреодолимое, социальное зло. В этом смысле жесткая драматургия эпохи Эдо напомнила «новую волну» с ее жестким соци-

альным детерминизмом и невеликим в традиционный моральный мессидж. Наверное, эту пьесу смогли бы сыграть и европейские актеры. Но вряд ли у кого-то из них получилось бы так сосредоточенно двигаться мелкими шагами, так «упруго» сражаться взглядами и так обреченно слушать грохот проходящего где-то рядом поезда, что каждый раз обозначает в спектакле Йосси Вилера очередную смерть.

Смелые соединения кажущихся разнородными людей и текстов вообще отличают программу нынешнего берлинского фестиваля spielzeitueuropa. Он начался с провала талантливого украинца Андрея Жолдака, «Ромео и Джульетта» которого в заряженном духом социальных альтернатив Берлине сочли буржуазной и эпигонской поделкой. Дело, впрочем, не в провале, а в сочетании Жолдак—Шекспир. А как вам сочетание Изабель Юппер с Сарой Кейн? Между тем спектакль 82-летнего Клода Режи, в котором французская суперзвезда и любимица публики играет «Психоз 4.48», ставший манифестом отверженных и разочарованных, имеет огромный успех. Да и «Just for show» английской труппы DV8 (см. „Ъ“ от 8 ноября) построен на небанальном слиянии цирка, видеоарта, современного танца, кабаре и драмы. Зритель, впрочем, успевает переварить любые неожиданности: важнейший берлинский международный фест длится с октября по февраль.